

Сначала планируй, потом действуй.

Клятва подарила ему уйму времени на подготовку. Он должен был сыграть настолько убедительно, что в тот момент, когда руководство Магического сообщества взглянуло бы на него, любые их мелочные интриги застряли бы у них в горле. Даже если бы клан Годжо прислал настоящего сопровождающего, этот человек побледнел бы и стал лишь тенью рядом с ним.

Асо Акия медленно, задумчиво улыбнулся. В его улыбке таился заговор; юность и зрелость сплелись в изгибе его губ. Странное, опьяняющее желание играть свою роль всколыхнулось в его груди.

Было одно выражение, которое идеально подходило ему сейчас: «Лучшие охотники всегда притворяются добычей».

Против коварного мира магии он создал занимательную личность — хитрая марионетка. Марионетка произносила чужие слова, лишённая свободы. Но эта конкретная марионетка потихоньку перехватила все нити и теперь управляла ими сама. Пусть магическое общество станет свидетелем силы мудрости...

В течение летних каникул улицы Июкогамы были свидетелями «Учебного тура Асо Акии».

— Это! Я хочу научиться этому! — В кондитерской он умолял о неоплачиваемой работе, сверкая глазами, лишь бы освоить искусство приготовления печенья.

— Массаж? Да без проблем — никогда не стоит недооценивать силу подростка! — В массажном салоне он закатал рукава, тонкий слой проклятой энергии обвивал его предплечья, оттачивая техники, которые он когда-то практиковал на своих родителях.

— Девушка, пожалуйста, научите меня уходу за ногтями! — В маникюрном салоне он уговаривал сотрудниц, а затем протянул свои десять идеально ровных пальцев профессиональному мастеру. — У меня есть друг, который безнадежен в стрижке ногтей — просто ужас. Мы поспорили. Когда начнется учеба, я сделаю ему самый красивый маникюр на свете.

— Помада? Нет, гигиеническая помада... Какой бренд лучший? Не могли бы вы объяснить разницу между матовой и глянцевой? — На косметическом прилавке он легко болтал с продавщицами, а затем позволил мужчине-консультанту протестировать оттенки на тыльной стороне своей ладони.

— Общественная баня... Растирание спины? Э-э... Пас. — Он задержался у входа, потирая подбородок, и решил, что чистосердечные старшеклассники из Магического колледжа вряд ли справятся с таким уровнем близости.

— Я слышал, ты легенда в написании извинений. — Он загнал в угол печально известного хулигана-младшеклассника, сладко улыбаясь, пока вкладывал кошелек с летними заработками в ладонь парня. — Научи меня, семпай! Я заплачу сколько угодно! Мне нужны копии всех извинений, что ты когда-либо писал — и особенно я хочу изучить ту самую мифическую десяти тысячную исповедь драчуна!

— Люди в Токио говорят «Приятно познакомиться» вот так, верно? Я, возможно, переведусь туда в следующем году — не хочу звучать как полная деревенщина. — Он появился в доме одноклассника, который переехал из Токио в Йокогаму, неся домашнее карамельное печенье, с розовыми от застенчивости щеками, умоляя об уроках произношения.

Открыть рот, закрыть рот — повторить, повторить, повторить. Он погрузился в это с пылким энтузиазмом. Он горел, как огонь в кузнице, решив закалить себя в сталь.

Каждый раз, когда черноволосый парень фокусировался на чем-то одном, от него исходило неопишемое очарование — глаза сияли, отношение было настолько заразительно позитивным, что сверстники сдавались, а закоренелые взрослые обнаруживали, что не могут отказать.

Японское общество ценило вежливость и дистанцию, искусство никогда не доставлять неудобств другим. И все же те, кто мог разрушить эту дистанцию и при этом заставить людей с радостью помогать, были настоящими мастерами жизни.

Чтобы стать лучшим, более сильным «я» в своем сердце, Асо Акия вышел далеко за пределы своей зоны комфорта и рванул к тому, чтобы стать душой компании. Напряженные дни заставляли время ускользать, словно вода сквозь пальцы. Приближалась дата, которую он пытался забыть.

Конец 2004 года. Событие настолько «великое», что оно будет выгравировано в мировой истории катастроф. Он не смел произнести это вслух. Каждый слог, каждый вздох он давил глубоко в груди. Произнести это означало навлечь небывалое бедствие — словно стать мишенью для сотен тысяч мстительных душ.

26 декабря 2004 года. Беспрецедентное землетрясение магнитудой 9,3 у берегов Индонезии. 290 000 погибших. Совершенно, фундаментально, невозможно изменить.

В своей прошлой жизни он лишь мельком видел ужас через видеопозаказания женщины-судмедэксперта. Отправленная в Индонезию для идентификации ДНК, она сказала, что видела ад на земле: более пяти тысяч тел, разложенных на поле, распухших до неузнаваемости, кожа сползала, невозможно было определить цвет, национальность или расу... Все, что она могла сделать для мертвых — это вернуть им их имена.

[В этом мире нет богов.]

[Если бы я мог спасти 290 000 жизней... После моей смерти, позволил бы мне мир

"Магической Битвы" хотя бы стать Буддой?]

Асо Акия необъяснимо желал, чтобы этот холодный, проклятый мир был настолько милосерден. Потому что одна мысль об этом заставляла человеческое сердце размягчаться в теплое, ноющее месиво, заставляла душу источать обжигающую жидкость.

[Если бы у меня была сила Сатору Годжо, я бы прямо сейчас полетел в Индонезию. Я бы встал в эпицентре цунами и наблюдал, как человечество расцветает — лучезарно, ослепительно — посреди ада.]

[Но у меня ее нет. Я даже не могу позволить себе билет на самолет.]

[Крик, который я издаю против катастрофы, так слаб. Даже если бы я кричал, пока не сорвал голос, сколько сильных склонились бы, чтобы услышать слабого? Сколько из них действительно протянули бы руку?]

[«Защищать слабых» — это красивая риторика — но ее главная предпосылка в том, что ты должен обладать одновременно добротой и подавляющей силой.]

[Гето Сугуру недостаточно силен.]

[Тоджи Фусигуро недостаточно добр.]

[Юки Цукумо пропала за границей, вероятно, живет для себя. Не пойдет.]

[Кендзяку плевать на обычных людей.]

[Рюмэн Сукуна внутри двадцати пальцев только что закатил глаза на тебя.]

В одно мгновение бесчисленные имена могущественных пронеслись в его сознании, и наконец остановились на одном: Сатору Годжо. Божественное дитя, которое в этом году все еще не понимало человеческих чувств.

Замешательство и неверие нахлынули на него. Почему он возлагал такие огромные надежды на того, кого никогда даже не встречал? У Сатору Годжо была своеобразная черта: его внешняя личность менялась с каждым возрастом. В отличие от большинства сильных людей, которые с течением времени становились холоднее и жесточе, Годжо двигался в обратном направлении.

Чем моложе он был, тем сильнее была божественность — почти нечеловеческая. В детстве одного неосторожного взгляда было достаточно, чтобы заставить магов-проклятийников бежать в холодном поту. В оригинальной истории даже Тоджи Дзенин был на мгновение

ошеломлен, когда впервые увидел Шесть Глаз клана Годжо. Тот единственный взгляд назад не содержал ничего, кроме божественного безразличия.

Можно было безопасно молиться будущему крутому, красивому Годжо-сенсею, но вы абсолютно не могли ожидать, что нынешний Сатору Годжо будет испытывать какое-либо желание спасти мир. С детства он убивал людей и духов так, как другие пьют воду. Ему не хватало морального компаса. Он был аристократией, восседающей на самой вершине социальной пирамиды.

Асо Акия ощутил сотню противоречивых эмоций. Он продолжал спрашивать себя — почему стоит доверять Сатору Годжо? Рождаются ли люди добрыми? Рождаются ли люди злыми? Именно в этом был ответ.

Потому что Сатору Годжо был единственным среди всех сильнейших, у кого все еще оставалась возможность выбрать путь добра. Потому что глубоко в душе Сатору Годжо (глубже, чем высокомерие, глубже, чем Шесть Глаз) существует самая редкая, самая драгоценная вещь в этом пыльном мире: жалость.

Если бы Асо Акия мог по-настоящему предстать перед четырнадцатилетним Сатору Годжо, если бы он мог прошептать хотя бы частицу своего предзнания в это скучающее, божественное ухо, есть очень высокий шанс, что мальчик зафрахтовал бы самолет по прихоти, просто чтобы увидеть, правда ли это, и полетел бы напрямик к морю к северу от Суматры.

А потом? Мог ли Сатору Годжо, который понимал только «Синее», защитить себя, пытаясь защитить других? Могла ли гравитация, которой он командовал, нейтрализовать кинетическую силу цунами, затмевающего небо?

Асо Акия закрыл глаза. Он ясно видел это: беловолосый мальчик, парящий в воздухе, Безграничность на пределе, проклятая энергия сгорает, как умирающая звезда. Истощение наконец побеждает. Он падает. Черная вода поглощает этот стройный силуэт целиком. Двумя годами ранее, на грани смерти, он впервые постигает Обратную проклятую технику. Промокший, избитый, совершенно одинокий, он выползает на берег.

[«Эй, не недооценивай меня!»]

Асо Акия почти слышал, как беспечный, вызывающий голос четырнадцатилетнего подростка разносится над океаном.

[«Я сделал это не для того, чтобы кого-то спасти. Я просто подумал, что это будет интересно, понятно?»]

Такой невозможно высокомерный. И все же единственный в целом мире. Асо Акия засмеялся — мягкие, влажные, кристальные слезы выступили в уголках его глаз.

— Я понимаю тебя, — прошептал он, нежно, словно уговаривая избалованного принца, отталкивая смертельную прихоть далеко, далеко прочь. — Пусть моря вокруг тебя всегда будут спокойны. Кто понимает твои прихоти лучше, чем я? Кто понимает одинокое превосходство почитаемого божественного дитя лучше, чем я? Ты так хорош — так несломим, что я могу лишь вздыхать в восхищении. Ты превосходишь миллионы и миллионы обычных людей. 1

В ванной он включил душ на холодную воду и встал под него прямо в одежде. Холодная вода потушила смертный огонь, который хотел спасти мир. С черными волосами, прилипшими ко лбу, мальчик стоял прямо, как палка, и хриплым голосом декламировал древние слова из Лунь Юя:

Цзай Во спросил: «Если бы благородному мужу сказали: "В колодце есть человеколюбие", он бы прыгнул туда?»

Конфуций сказал: «Зачем ему это делать? Благородного мужа можно отправить, но не заманить в ловушку; его можно обмануть, но не одурачить».

Спасай других только после того, как спас себя. Каждая жизнь несет свою ответственность. Ты должен нести свою судьбу; ты никогда не должен проигрывать чужую.

Конец года. В киотском храме Асо Акия зажег благовония для мертвых и пожертвовал все до последней иены из своих сбережений на ликвидацию последствий стихийных бедствий в Индонезии. Высоко над ним Будда Милосердия взирает вниз с безмятежным, бесстрастным лицом. Верующий без веры бормотал сутры Чистой Земли, в то время как его нестабильная проклятая энергия — подпитываемая внезапным приливом горя, ярости и бессилия — рябью расходилась в зимнюю ночь.

...После этого беспокойная аура, которая цеплялась за него с момента переселения, наконец успокоилась. Вернувшись в детский дом, Асо Акия тихонько влился в группу. Он сидел на низкой деревянной скамейке со всеми другими детьми-сиротами, наблюдая за ежегодным новогодним шоу Kohaku Uta Gassen по старому телевизору, красная команда против белой команды, песни и аплодисменты наполняли общую комнату, как временное тепло.

10 января. Он сидел в темной кабинке интернет-кафе и открыл официальный сайт Токийского столичного магического техникума. Страница была смехотворно пустой — явно разработанной, чтобы отпугнуть любого, кому не положено ее найти. Никакого адреса. Только один номер телефона приемной комиссии, спрятанный в углу.

На свой второй день рождения в этом мире — пятнадцатый — Асо Акия набрал номер, о котором мечтал так долго. Он наклонился близко к дешевому микрофону мобильного телефона, губы едва шевелились. Легкое жужжание вентиляторов компьютера смешивалось с его ясным, приятным мальчишеским голосом.

— Алло, это приемная комиссия? Я видел информацию на сайте. Мне только что исполнилось пятнадцать — расцвет юности, переполнен проклятой энергией, и я отчаянно хочу

присоединиться к миру магии. Вы спрашиваете, почему я выбрал Токийский магический колледж? Потому что человек, которого я хочу встретить, находится там. Никакой лжи. Я восхищаюсь божественным дитя клана Годжо. Я слышал, что он поступает в этом году. Я с нетерпением жду возможности стать его однокурсником... Хотите записать мое имя и адрес? Асо Акия. Сирота. Текущее место жительства: Детский дом "Святая любовь", Иокогама. Врожденной техники нет. Все, что я знаю о мире магии — это слухи из вторых рук.

Глаза черноволосого парня изогнулись в идеальные полумесяцы, отвечая на каждый вопрос с невозмутимой грацией примерного ученика. Когда строгий мужской голос на другом конце закончил, он добавил мягко:

— Сегодня мой день рождения, Яга-сенсей. Можно мне пожелание на день рождения?

Тишина. В Токийском магическом колледже куратор первокурсников Яга Масамити внезапно почувствовал, что у него начинается мигрень.

Божественное дитя клана Годжо? Уже называет меня сенсеем? Небрежно просит незнакомца о пожеланиях на день рождения? Этот ребенок определенно проблемный — с поддержкой. Я никогда его не встречал, но он узнал мой голос, как только я заговорил. Что за проклятый год такой? Сначала молодой господин клана Годжо, который потребовал зачисления, затем Повелитель проклятых духов, который уже приручил духа второго ранга, еще даже не подав заявление, затем девушка, которая самостоятельно освоила Обратную проклятую технику — то, чего никто не делал десятилетиями.

— С днем рождения, Асо-кун, — смягчился Яга.

— Акия-кун, — поправил мальчик мягко.

— ...Акия-кун.

Вена пульсировала на лбу Яги. Его кулаки уже чесались.

— Я Яга Масамити, куратор первокурсников Токийского магического колледжа. Я еще не твой учитель. Это был публичный номер школы. Добавь мой личный мобильный позже. Я навещу твоё место жительства в течение недели. Готовься к вступительному экзамену.

— Жду вашего прибытия, — ответил Асо Акия, спокойно и неторопливо. — Моя физическая техника ужасна. У меня никогда не было профессиональной подготовки. Пожалуйста, будьте со мной мягче.

Щелчок. Звонок завершен.

В темной кабинке Асо Акия просидел неподвижно долгое время, словно смакуя

удовлетворение, которое пришло спустя годы. Его присутствие было тихим и утонченным — от переносицы до линии челюсти, каждая черта соответствовала нынешнему эстетическому идеалу для юноши. Заостренный подбородок, лицо такого типа, которое будет сворачивать головы еще через двадцать лет.

Он не мог позволить себе новую одежду, но поношенная пуховая куртка, подаренная какой-то благотворительной организацией, выглядела на нем безупречно — морщины разглажены, светлый цвет идеально подходил к его телосложению. Плечи и талия в идеальной пропорции, спина прямая с той сдержанной важностью, которую дает только хорошее воспитание.

Он должен был быть отличником в школе, послушным сыном в семье среднего класса, проводящим зимние каникулы с родителями, которые гордились бы им.

[«Ты должен идти, шаг за шагом, по пути, на который надеялись твои родители».]

Пробормотал он эту строчку про себя, голос мягкий, словно это было одновременно обещание и извинение. Это последнее психологическое внушение наконец рухнуло.

В пятнадцать лет Асо Акия разбил последние оковы своей прошлой жизни. Он все еще хотел аттестат — но тот, который выбрал сам. Он все еще хотел успеха — но только на пути, в который мог поверить. Справедливость не имела к нему никакого отношения. Зло не будет диктовать его волю. Юность улыбнулась ему; естественно, он будет немного упрямым, немного счастливее.

Черноволосый парень медленно выдохнул. На экране перед ним были груды страниц для подготовки к собеседованию; блокнот на столе был забит каждым возможным вопросом, который могла задать школа, и его идеальными ответами. Он потянул мышь, закрыл вкладку за вкладкой, пока не остался только стандартный рабочий стол с голубым небом.

Если жизнь — это величайшая MMORPG из когда-либо созданных, он наконец зашел в систему с бесценным стартовым аккаунтом. Теперь он будет развивать его должным образом. Каждая капля усилий, которую он вложит, вернется сторицей, тысячекратно, в опьяняющем достижении.

Он надел наушники, вставил USB-накопитель и открыл документ, который заполнял месяцами.

[Жизненная цель, шаг третий: Заработать на расходы для нового учебного семестра.]

В своей прошлой жизни он был книжным червем, классическим гуманитарием. От мировой классики до низкопробных веб-новелл, он прочитал все. С вкусом к лайт-новеллам, опережающим Японию на двадцать лет, написание одной приличной истории было проще простого. Возможно, вдохновленный нелепым любовным треугольником, который он придумал в прошлом году, он пристрастился к акту творчества — к вдыханию душ в персонажей.

Название решено. Главный герой: грозный король демонов «Цзе» из эпохи Хэйан в Японии, которого боялись все. Сильнейший король демонов перерождается в современной, обычной семье. Эксцентричный, асоциальный, но решает стать великим оммёдзи.

История повествует о его непобедимом крестовом походе против призраков, бесконечных недоразумениях, которые преследуют его, и хитрых, старческих методах, которые он использует для решения каждой проблемы.

В рассказе Акии король демонов Цзе ни хорош, ни плох. Он обладает холодным отчуждением того, кто видел мир насквозь, и терпимым пониманием того, кто все еще помнит, как был человеком. Он знает, что человеческая натура не выдерживает настоящего испытания. Мечты о спасении мира легко рушатся. Оммёдзи должен тянуться к свету во время часа демонов в сумерках, очищая зло в сердцах людей — и это требует железного сердца.

В классическом аниме «Yu Yu Hakusho» антагонист Сенсуй пал с стороны человеческой справедливости на сторону демонов, ненавидя людей за то, что они были более жестокими, чем монстры, выбирая вместо этого защищать немногих добросердечных ёкаев. Маги должны остерегаться такого же краха веры. Двадцативосьмилетний Сатору Годжо однажды сказал: «Маги должны учиться быть более алчными. Никогда не доверяйте свои убеждения другим. Когда маг умирает, он умирает в одиночестве».

...

Название: Сильнейший Король Демонов, переродившийся в современного мастера-оммёдзи

Слоган: «Я буду спасать людей, потому что Бодхисаттва Кшитигарбха дал мне обещание. Насколько прогнили люди — меня не касается. В крайнем случае, я буду добр к почти вымершим хорошим. Короче говоря, я спасу ровно 290 000 жизней. С единственным шансом достичь состояния Будды, я выменяю право встретить человека, которого люблю, снова в наших следующих жизнях».

— Автор: Зритель

Примечание автора: В оригинальной манге «Магическая Битва» никто на самом деле не называет Годжо «божественным дитя». Акия намеренно заимствует ласковое прозвище, которое дали ему фанаты из его прошлого мира.

Лунь Юй (Аналекты Конфуция)

Цзай Во спросил: «Если бы благородному мужу сказали: "В колодце есть человеколюбие", он бы прыгнул туда?»

Конфуций ответил: «Зачем ему это делать? Благородного мужа можно отправить, но не

заманить в ловушку; его можно обмануть, но не одурачить».

...

(Пояснение Байду: Цзай Во спрашивает: «Если ты скажешь по-настоящему доброму человеку, что кто-то упал в колодец, прыгнет ли он туда, чтобы спасти их?» Конфуций отвечает: Не будь глупцом. Сначала посмотри — если можешь спасти их, спасай; если не можешь, не выбрасывай свою собственную жизнь тоже. Ты можешь обманом заставить его прибежать, но ты не можешь обманом заставить его умереть бессмысленно. Слепо жертвовать собой ради других не достойно восхищения. Чтобы спасти кого-либо, сначала сохрани себя в живых. Мы десятилетиями чрезмерно идеализировали "умереть, чтобы спасти других" — именно поэтому люди сейчас замирают и смотрят, как другие умирают. Каждая жизнь — это ответственность, не только перед самим собой. Ты можешь отдать свою жизнь ради справедливости, но никогда не относись к жизни как к бессмысленной. Ты должен соответствовать этой ответственности.)

<http://bllate.org/book/19436/1951445>